

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть II

Москва 1979

как таковые играют важнейшую роль в составе "Повествования" и их влияние не может не учитываться при оценке общей художественной значимости произведения.

3

Известно, что "для Шлегеля подлинно творческий дух несовместим с односторонностью, абстрактностью. Он (Шлегель) не считает для себя обязательной какую-либо одну возможную точку" (I, 82). Теоретическое обоснование метода Шлегеля соответствует эстетическим принципам "Повествования" и в более конкретных деталях. "Осуществляя в своем творении какой-либо определенный подход он (Шлегель) в то же время отрицает его, оставаясь свободным при осуществлении нового подхода, появлении нового взгляда" (I, 82).

4

Примечательно, что суть воплощенной здесь идеи, бесспорно, адекватна шлегелевской мысли о том, что "творческая деятельность духа никогда не может быть признана окончательной, нашедшей свое завершение в каком-либо определенном творении. Каждое отдельное творение — лишь одна из сторон универсальной жизнедеятельности духа, заключающего в себе в зародыше все "мироздание" (I, 82).

Н.Н.Туманович

ЗАБЫТАЯ ПЕРСИДСКАЯ ОБРАМЛЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Среди произведений персидского фольклора литературоведы выделяют группу так называемых о б р а м л е н н ы х повестей. По своим жанровым особенностям они близки и к романическим повестям типа "Нушафарин" и к занимательным рассказам — хикаятам. Исследователи персидской литературы объединяют их в отдельную группу по формальному признаку: все они имеют характерную композиционную особенность — набор занимательных рассказов, связанных рамочным сюжетом. Так же построены и некоторые большие хикаяты. Отличие рамочных хикаятов от обрамленных повестей, во-первых, в том, что структура повестей часто более сложная — во вводный рассказ влетается новый сюжет, который, в свою очередь, служит рамкой для какой-нибудь истории и т.д.; во-вторых, в рамочном хикаяте больше трех вставных историй нам не встречалось, тогда как в обрамленной повести их бывает семь-девять и более; в-третьих, размеры повести,

как правило, в два-три раза больше хикаята.

Число известных обрамленных повестей персидско-таджикского фольклора пока исчисляется единицами. Это - "Бахтиар-наме или десять везиров", "Синдбад-наме или семь везиров", "Ширзад и Гулшад или девять замков" и др. Такие повести были распространены на всем Переднем Востоке. Существуют, например, арабская, персидская, турецкая, сирийская, греческая, еврейская версии "Синдбад-наме". На основе народных вариантов создавались литературные произведения. Так, в XII в. аз-Захири ас-Самарканди написал свою "Синдбад-наме".¹ Сравнение ее с народной версией, содержащейся в рукописях ЛО ИВ АН показывает, что, сохранив рамку и сюжетную схему, Самарканди значительно расширил повесть за счет многих рассуждений, подробностей, цитат; число вводных рассказов у Самарканди вдвое больше, но фабула их проще. В народной версии не названо имя Синдбада, поэтому для нее возможно лишь второе название этого сочинения - "Семь везиров".²

В наши дни почти забыта авторская обработка персидской обрамленной повести, озаглавленной "1001 день" (هزار و یک روز). Ее автор - исфаханский дервиш Мухлис в 1675 году позволил французскому ориенталисту Пти де ля Круа сделать копию со своего труда. В 1710 году в Париже вышел перевод повести на французский язык, выполненный тем же Пти де ля Круа. Повесть имела успех и выдержала более десяти изданий без изменений текста перевода.³

Название повести указывает на арабский цикл "1001 ночи", как на образец, послуживший Мухлису для подражания. И действительно, повествование в ней тоже делится на "дни", почти все темы "1001 дня" встречаются в "1001 ночи". Как правило, в них совпадают имена, сюжетная схема, последовательность эпизодов. Особенно близки между собой арабский и персидский варианты рассказа о Бадр ад-дине Лоло. Однако, в "1001 ночи" эти темы тонут в общей массе других, иного стиля, иной направленности.⁴ Разбросанные в разных местах обширного разнородного произведения, они имеют лишь одну цель - занять время скучающего героя.

"1001 день" - произведение несравненно более компактное, динамичное; разрозненные сюжеты сгруппированы в единый блок, имеют четко выраженную идейную направленность, более романтическую окраску. Рамочному рассказу в нем придан более глубокий смысл, иное звучание; тематический подбор вводных историй о мужском по-

стоянстве в любви противопоставляет "1001 день" так называемым книгам о женском непостоянстве и коварстве - "Туги-наме", "Бахтиар-наме" и другим.

Сказанное отнюдь не означает, что составитель повести "1001 день" черпал сюжеты непосредственно из цикла "1001 ночи". Во-первых, наряду с литературно обработанными, кодифицированными сводами этого произведения у народов Переднего Востока существовали на разных языках сходные сюжеты, иногда далеко отступающие от первоосновы, а иногда буквально соответствующие включенным в "1001 ночь". Во-вторых, еще в начале XIX века Хаммер-Пургиталь представил убедительные доказательства того, что сама "1001 ночь", так сказать, уходит корнями в персидскую почву.⁵ Речь идет, конечно, не обо всем цикле, но о его ядре, основе.

Мы располагаем бесспорным свидетельством того, что рассказы, включенные в арабский цикл "1001 ночи", на персидском языке продолжали порознь передаваться из уст в уста подчас неграмотными рассказчиками. В каталоге Рёе описана рукопись, имеющая шифр От. 237.⁶ Это сборник из 20 занимательных рассказов на персидском языке, составитель которого (Рёе называет его автором) - Мухаммад Казим б. Мирак Хусайн Музаффар Саджванди Хутби. Заметим, что этот случай пока единственный известный нам, где составитель записал свое имя.

Рёе датирует список концом XVI - началом XVII вв., т.е. в период работы над "1001 днем" Мухлис мог иметь его в своем распоряжении. В кратком вступительном слове Мухаммад Казим Саджванди писал, что достигнув 70-летнего возраста, решил литературно обработать рассказы, которые ему доводилось слышать "в собраниях". Почти все рассказы сборника встречаются в "1001 ночи"; шесть из них - в "1001 дне".

Саджванди поставил своей целью только стилистическую правку наиболее популярных рассказов. Мухлис, судя по изданию Пти де ля Круа решил более сложную творческую задачу - помимо литературной обработки подобрал рассказы о верных влюбленных и нашел для них подходящее обрамление.

Но быть может Мухлису, как и Саджванди не было необходимости искать и подбирать сюжеты? Вполне вероятно, что тематическая подборка рассказов о верных влюбленных была в репертуаре профессиональных рассказчиков. Знакомство с книгой, изданной на английском языке в 1780-х годах под названием *Persian tales* подсказы-

вает такую мысль.⁷

Это издание не содержит сведений ни о переводчике, ни об оригинале, с которого делался перевод. Сравнение с "1001 днем" в переводе Пти де ля Круа убеждает в том, что обе публикации имеют один источник. Естественно возникает предположение, не является ли английский текст переводом с французского языка. Но в этом случае совершенно не понятно, почему английский вариант заведомо обеднен: издания 1710 и 1713 гг., которыми в этом случае должен был воспользоваться переводчик, имели пояснения де ла Круа к тексту; в английской публикации их нет. Английский вариант в полтора-два раза короче французского; большой рассказ о братьях-пери в нем опущен; нет постоянных возвращений к рамочному сюжету, где героиня высказывает свое отношение к услышанному рассказу; язык проще, снят ряд описаний, прямая речь сведена к минимуму; разделы более дробные; нет ни деления на "дни", ни заглавия произведения в целом. В конце третьего тома имеется раздел: "Окончание истории кашмирской царевни", которым завершается рамочный сюжет. Так правомерно называть всю обрамленную повесть в этом варианте (ср. сказанное выше о "Семи везирах").

Не исключено, что близость текста английского и французского переводов объясняется другой причиной — существованием персидского оригинала, послужившего основой для литературной обработки Мухлиса, а через него — для перевода Пти де ля Круа. А спустя примерно сто лет персидский оригинал (устный или письменный) оказался в распоряжении англичанина.

Подготовка английского издания осуществлялась в 1770-х годах, в период особой активности англичан в Иране после получения ими торговых льгот от Керим-хана Зенда. Очевидно, среди них находились люди, смотревшие на Иран не только как на объект приложения торгового капитала, но и видевшие в нем проявление особой культуры. В этом смысле изданная в Англии "Повесть о кашмирской царевне" заслуживает внимания как показатель определенного интереса в самой метрополии к литературе Ирана, в том числе к литературе народной.

Местом записи повести были, видимо, районы, тяготевшие к Персидскому заливу — быть может, Шираз, столица Керим-хана, или же города, где находились английские фактории — Бендер-Бушир, Бендер-Аббас, Басра.

Что касается времени составления предполагаемого оригинала, то это не могло произойти ранее середины XVI века, ибо в повести (в обоих вариантах) упоминается шах Тахмасп, правивший в Иране в 1524–1576 гг. Думается, что описание рукописей персидской художественной прозы, находящихся в хранилищах Ирана, со временем внесет ясность в этот вопрос.

Включение хикаятов в тематическую подборку, обрамление сюжетной рамкой, стилистическая обработка их создавали новое литературное произведение, в котором каждый хикаят был зафиксирован на определенной стадии его развития. Но никакие сборники, подборки, повести, "рамки", циклы не могли задержать дальнейшее развитие хикаята как самостоятельного произведения. Популярны и интересные рассказы продолжали свое существование, изменяясь под влиянием запросов и вкусов рассказчиков и слушателей, читателей и писателей, но до тех пор, пока сохранялась основная, главная идея рассказа или его сюжетная схема сохранялась и возможность идентифицировать рассказ, прошедший многовековой путь развития. В частности, вводные рассказы рассматриваемой повести "1001 день" или "О кашмирской царевне" уходящие корнями в более далекое прошлое, чем время составления этой повести, претерпели значительные изменения, но не утратили своей популярности в последующие столетия. Они встречаются в рукописях сборников хикаятов коллекции ЛО ИВ АН, которые датируются рубежом XVII–XIX вв.

Сюжет первого вводного рассказа об Абу-л-Касеме близок к четвертому нашей рукописи А 103. Рассказ о Ризваншаде (2-й вводный из повести) перекликается с двумя нашими хикаятами; оба они есть в списке В 256 – 8-й и 48-й по порядку. История Кулуфа и Дилара соответствует рассказу о кирпичнике в А 103₁₆. Известный сюжет о Турандот из повести "1001 день" или "О кашмирской царевне" встречается в наших рукописях в двух версиях и многих списках (например В 256₁₀ С 1502₁ и др.). Рассказ о Фаддалле из повести близок в основной своей части к нашему А 103₁. Рассказ о поисках беспечального (о Бадр ад-дине Лоло из повести) соответствует А 103₁₁ лишь в завязке. Истории Малека и Ширин есть параллель в А 103₁₃; а рассказам об Аруйе и Наср ад-дауле – в А 103₁₂ и А 103₈ соответственно.

I

См. Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад наме. Пер. М.Н.Османова, М., 1960.

2

Повесть о семи везирах содержится в рукописях собрания
ЛО ИВ АН - В 4496, лл.216-676; С 809, лл.19а-556; С 1640, лл.2556-
286а.

3

Les Mille et un jours. Contes Persans, traduits en Francois
par M.Petis de la Croix, t. I-5, Paris, 1710-1712; то же: *Amster-*
dam 1711-1713; то же: t. I-3, Paris, 1826; то же в одном томе:
Paris, 1840.

V.Chauvin, *Bibliographie des ouvrages arabes ... tt. IV-X*, Paris,
1900-1907, t. IV, p.126-130.

4

См. V.Chauvin, *Bibliographie*, t. V, p. 8, 49, 130, 133,
137, 142, 174, 191, 232, 286; t. VI, p. 13, 50, 180, 159; t. VII,
p. 1, 64, 119.

5

J. de Hammer, *Sur l'origine des Mille et une Nuits*, -
Journal Asiatic, 1827, p.253-256; J de Hammer-Purgstall, *Note*
sur l'origine persane des Mille et une nuits, J.A., 1839, p.171-
176.

6

Ch.Rieu, *Catalogue of the persian manuscripts in the Bri-*
tish museum, vol. II, London, 1881, p.759-760.

7

Persian tales, vol. I-III, Coburg, 1780-1785.

О.Л.Фишман

"ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА СИХУ" ПУ СУН-ЛИНА И СТРУКТУРА КЛАССИЧЕСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Если для представителей "историко-географической" школы ва-
жнейшим фактором для отнесения произведения к жанру сказки явля-
ется наличие в нем сказочных мотивов, то для школы В.Я.Проппа
этим фактором является синтагматическая последовательность фун-
кций (поступков персонажей). Наличия сказочного мотива недоста-
точно: о жанре сказки можно говорить только тогда, когда мотивы
в произведении организованы в повествовательную цепочку, подчинен-
ную специфическим законам "морфологии" сказки.^I

Проанализируем произведение Пу Сун-лина "Владычица озера Си-